

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Нугаева Нафиса Ренатовна

аспирант

ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

г. Казань, Республика Татарстан

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВА В МАРКСИСТСКОМ ПРАВОВЕДЕНИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: в статье дан сравнительный анализ рассмотрения проблемы эффективности правовых норм в марксистском и неомарксистском правоведении. Утверждается, что одно из возможных перспективных направлений развития отечественного правоведения может быть связано с более полным раскрытием гуманистического потенциала марксистской философии и социологии права.

Ключевые слова: марксизм, неомарксизм, правоведение, эффективность правовых норм.

Устойчивый интерес к проблеме эффективности правовых норм появился и сложился в отечественной правовой науке только в начале 70-х гг. прошлого века, когда в обществе усилились т.н. «явления застоя». Исследователи этих явлений обнаружили, что социальная система начинает выходить из-под административного контроля; в этой ситуации стало ясно, что административно-командный нажим необходимо ослабить. И это пришлось делать за счет привнесения в социально-экономическую и социально-политическую жизнь «собственно правового начала» [1, с. 656].

Но доминировавшая в то время «советская» теория эффективности законодательства основывалась на инструменталистском (марксистском) подходе к праву. Право понималось как вспомогательное средство достижения внешних по отношению к праву экономических, политических и социальных целей. Эффек-

тивность правовых норм рассматривалась как «соотношение между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты. Юридические цели всегда лишь одно из самых низших звеньев в той цепи непосредственных целей, которым служат данные нормы и институты» [2, с. 37]. Насколько же сильно подобный подход к праву был обусловлен принципами самого марксизма?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к генезису самой марксистской философии. Как хорошо известно, на ее зарождение оказали значительное влияние не только «внешние» – социально-экономические, социально-политические и социокультурные – условия, но и «внутренние» предпосылки.

Как типичная неклассическая теоретическая система, марксизм возник из жесткой оппозиции, из зеркально-диаметрального противопоставления себя классическим философским системам Канта и Гегеля. В лежащем в основе классической немецкой философии кантовском дуализме между действительностью и человеческими идеалами, или, в кантовской терминологии, между «сущим» и «должным», зияла бездонная пропасть. Высшие человеческие стремления находятся, по Канту, в непримиримом противоречии с действительностью. При этом человек принадлежит одновременно двум мирам – ноуменальному и феноменальному. Как эгоистическое существо, он является частью «низменной» природы, преследуя свои собственные, «низменные» цели. Но, как носитель идеального, духовного начала, он относится к сверхъестественному миропорядку, откуда и переносит на грешную землю суровые нравственные законы, воплощенные в категорическом императиве.

Постулированная Марксом в рукописи «К критике гегелевской философии права» (1843 г.), первичность общественного бытия по отношению к политическим и правовым формам является отправным положением марксистского мировоззрения. «Ваше право, – писали Маркс и Энгельс, имея в виду действующее буржуазное право, – это возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса...» [4, с. 438].

Для правовой концепции Маркса было характерно различие права и закона. Возникновение правовых отношений Маркс связывал с развитием отношений обмена, по мере упорядочивания которых складывались определенные договорные формы взаимоотношений между людьми по поводу обмена товарами. Эти договорные формы взаимоотношений между равными друг другу и независимыми друг от друга участниками обмена Маркс и называл юридическими отношениями, или правом. «Юридическое отношение, формой которого является договор, – все равно, закреплен ли он законом или нет, – писал Маркс, – есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение» [5, с. 94–95].

В противовес юридическому позитивизму, признающему реальность только позитивного права, марксизм считает позитивное право лишь *вторичной реальностью*, отражением положения дел, выражающегося в определенных общественных отношениях. С марксистской точки зрения, право как мера свободы определяется экономическими отношениями, в которых коренится «правовая природа вещей», то есть социальная норма, обладающая в силу своей объективной природы общеобязательностью и требующая законодательного закрепления.

В основе марксистской философии права лежит тезис о том, что право есть закрепление воли экономически господствующего класса. Как и государство, оно является продуктом классового общества.

Как и всякая классика, ортодоксальный марксизм был тщательно проанализирован представителями различных дисциплин и направлений, в результате чего была выявлена его «ограниченность». Как и всякая «Большая Социальная Теория» (Лиотар), марксистская система идей отражала «дух» своего собственного времени – XIX в. с его «материализмом» («Бог умер»), т.е. позитивизмом, цинизмом и практицизмом.

Поэтому одна из серьезнейших проблем марксизма – это проблема оценки статуса и степени влияния духовных факторов. «Отягощенность духа материей» (К. Маркс, Ф. Энгельс) выражалась, прежде всего, в той незавидной роли, которая была уготована духу в классической историко-материалистической теории.

Правда, и самими классиками подчеркивалось, что такие формы общественного сознания, как философия, наука и искусство, находятся на весьма далеком расстоянии от общественного бытия. Влияние материальной жизни общества с ее экономическими интересами значительно опосредуется такими формами общественного сознания как сознания политическое и правовое.

Тем не менее, большинство критиков марксизма склонялось к тому, что один из самых очевидных недостатков марксизма – это т.н. «*проблема человека*». Так, согласно русскому религиозному философу Сергею Булгакову (в прошлом марксисту), «в области теории эта черта выразится в недостатке внимания к конкретной, живой человеческой личности, иначе говоря, в игнорировании проблемы индивидуальности... Это упразднение проблемы личности есть основная черта марксизма, и она так идет к волевому властному душевному складу создателя этой системы» [6, с. 24, 25]. Эта черта, по мнению С. Булгакова, коренится в неклассическом характере марксовой социальной теории, т.е. в том, что марксизм «вырос на почве окончательного разложения идеализма... Вершина немецкого идеализма закончилась отвесным обрывом. Произошла, вскоре после смерти Гегеля, беспрецедентная философская катастрофа...» [7, с. 28].

Но из указанного недостатка марксизма, как и из многих других, еще не следует, что эту систему можно в будущем игнорировать как «атавизм индустриального общества» с его непримиримой классовой борьбой, что между понятиями «марксизм» и «тоталитарная идеология» можно ставить знак равенства. Как отмечает один из ведущих современных российских философов акад. В.С. Степин, «в марксистском наследии, в его понимании общественного прогресса имеется *несколько смысловых пластов*, которые необходимо сепарировать для того, чтобы определить его дальнейшие перспективы» [8, с. 301].

В марксизме необходимо различать т.н. «ортодоксальный пласт», который был связан с конфронтационной культурой эпохи индустриализма и впоследствии стал основой сталинистской тоталитарной идеологии и практики сталинизма, и иной пласт, «гуманистический», который долгое время оставался на зад-

нем плане марксизма. Но он, тем не менее, всегда существовал и стал более явным с обнаружением и публикацией в 1930-х гг. XX в. «Экономическо-философских рукописей» – с одной стороны, и развитием современного постиндустриального общества – с другой.

Так получилось, в силу конкретных социально-политических условий (холодная война между Западом и Востоком), что «гуманистическая» составляющая марксизма оказалась развитой прежде всего западными «евромарксистами», одним из наиболее видных представителей которых был американский философ и социолог Эрих Фромм. Последний отмечал, что, пожалуй, самым распространенным заблуждением является идея т.н. «материализма» Маркса, согласно которой Маркс якобы считал главным мотивом человеческой деятельности стремление к материальной выгоде, к максимальной прибыли. «Следует отметить сразу, что это расхожее представление о марксовом «материализме» совершенно ошибочно. Цель Маркса состояла в духовной эмансипации человека, в освобождении его от уз экономической зависимости, в восстановлении его личной целостности, которая должна была помочь ему отыскать пути к единению с природой и другими людьми» [9, с. 578].

Истинная цель Маркса, по Фромму, состояла в освобождении человека от давления экономической нужды, с тем чтобы он мог развиваться как полноценный человек, т.е. как гармоничная личность. При этом «это факт, что советские коммунисты и реформ-социалисты считаются врагами капитализма, но сами они понимают коммунизм или социализм именно в духе капитализма» [10, с. 580]. Но, по Марксу, «истинный социализм» означает освобождение от отчуждения, возврат человека к себе самому, его самореализацию. Отчуждение же означает, что человек перестает узнавать себя в качестве первоисточника, в качестве творца, и мир начинает казаться ему чужим, посторонним по отношению к нему. Отчуждение – это пассивное, разорванное, в отрыве субъекта от объекта восприятие мира. Как метко замечал Эрих Фромм, психологически мироощущение отчужденного человека напоминает психологию (религиозного) фанатика. Сам фанатик пуст и подавлен, но, чтобы преодолеть состояние депрессии, он «творит себе

кумира» в виде государства, нации, партии, «руководящей Идеи», Бога или церкви.

Тем не менее, в отличие от Гегеля, для Маркса процесс отчуждения коренится в труде; сначала он неразрывно связан с разделением труда. Для Маркса труд – это «живая связь с природой». Но с появлением частной собственности и разделением труда труд утрачивает свой первоначальный характер выражения «человеческих творческих сил». Он становится отчужденным, поскольку перестает быть частью «природы рабочего».

При этом коллективный капиталист, «государство-капиталист» ничуть не лучше капиталиста-индивидуалиста. И даже равенство доходов для Маркса самодовлеющим значением не обладает. Для него главное – подлинное освобождение человека от такого труда, который разрушает его личность, превращает его в вещь, делает «рабом вещей». В действительности не сам капиталист превращает рабочего в раба, но и рабочий, и капиталист превращаются в рабов тех предметов и обстоятельств, которые они сами же и создают.

Не ограничивая свою цель освобождением только рабочего класса, Маркс мечтал об освобождении «всей человеческой сущности» за счет возвращения всем людям неотчужденного и свободного труда; он мечтал об обществе, живущем ради человека, но не ради производств товаров. Именно «непосредственным следствием того, что человек отчужден от продуктов своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является отчуждение человека от человека» [11, с. 94]. Отчужденный человек не только чужд другим людям, он лишен человечности как в природном, так и в духовном смыслах. В данном случае Маркс действительно использует кантовский принцип, согласно которому человек должен быть сам себе целью и никогда не должен быть средством достижения цели. Но Маркс идет дальше, настаивая на том, что человеческое существо не должно становиться средством не только чужих целей, но и средством своего индивидуального бытия.

В итоге «гуманистический пласт» марксистского наследия не был в должной мере задействован советскими правоведами, что и послужило фактором

весьма одностороннего и неудовлетворительного решения проблемы эффективности права и правовых норм в советском правоведении. С нашей точки зрения, задача должного освоения этого наследия должна лечь на плечи современного, постсоветского правоведения. Как отмечает акад. В.С. Степин, «время идеологизированного, полурелигиозного отношения к марксизму закончилось.... Началось время переосмысления марксизма как теории и мировоззренческой концепции, которая *взаимодействует* с другими учениями и социальными теориями в развивающейся мировой культуре» [12, с. 302]. Еще Поль Рикер в докладе, сделанном на международном философском конгрессе в Брайтоне в 1988 г., подчеркивал, что именно взаимодействие трех основных течений современной философии – философии жизни, аналитической философии и марксизма – определит облик философии XXI века. Это высказывание в неменьшей мере относится и к проблеме эффективности правовых норм.

Список литературы

1. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2005. – 656 с.
2. Эффективность правовых норм. – М., 1980. – С. 37.
3. Маркс К. Капитал, С. XV, пер. под ред. П. Струве. – Цит. по: Л. Аксельрод. – С.10.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 13. – С.438.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 13. – С. 94–95.
6. Булгаков Сергей. Карл Маркс как религиозный тип. – В кн.: Маркс К. К критике гегелевской философии права. Ницета философии. – М., 2007. – С. 24, 25.
7. Сергей Булгаков. Карл Маркс как религиозный тип. – В кн.: Маркс К. К критике гегелевской философии права. Ницета философии. – М., 2007. – С. 28.
8. Степин В.С. Марксизм вчера, сегодня, завтра. – В кн.: Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – С. 301.

9. Э. Фромм. Концепция человека у Карла Маркса. – В кн.: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. – М., Академический Проект, 2010. – С. 578.

10. Э. Фромм. Концепция человека у Карла Маркса. – В кн.: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. – М., Академический Проект, 2010. – С. 580.

11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – т. 42. – С. 94.

12. Степин В.С. Марксизм вчера, сегодня, завтра. – В кн.: Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – С. 302.